

**ЧЕХОВСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

О ЧЕХОВЕ

**■ ■ СБОРНИКЪ ■ ■
ВОСПОМИНАНИЙ**

Arizona

Texas

Москва, 1910.

Т-во „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салтыковскій пер., домъ Т-ва, № 9.

Изъ воспоминаній объ А. П. Чеховѣ.

О Чеховѣ можно писать очень много. Слѣдовало бы припоминать каждую его яркую мысль, останавливаться на каждомъ значительномъ выраженіи, чтобы облегчить этимъ работу его будущаго біографа при возстановленіи этой огромной фигуры въ нашей жизни и литературѣ. Настоящія замѣтки не претендуютъ на это. Въ нихъ мнѣ хотѣлось отмѣтить только нѣкоторыя и притомъ общія черты того цѣлостнаго впечатлѣнія, которое всегда производилъ на меня почившій художникъ.

Познакомился я съ А. П. Чеховымъ въ Петербургѣ, сколько припоминаю, въ самомъ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Въ ту пору собирался кружокъ молодыхъ начинающихъ писателей у А. Н. Плещеева, въ его небольшой квартиркѣ на Спасской площади. А. Н. Плещеевъ, тогда уже старикъ, бившійся съ матеріальной нуждой, — это было еще до полученія имъ наслѣдства, — оставался тѣмъ не менѣе идеалистомъ въ самомъ хорошемъ значеніи этого слова. Работалъ онъ тогда въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» вмѣстѣ съ покойнымъ Н. К. Михайловскимъ. По вечерамъ на его гостеприимный огонекъ собирались молодые писатели и особенно поэты, которымъ онъ покровительствовалъ и выводилъ

ихъ въ литературный свѣтъ, и здѣсь до поздней ночи раздавались безконечные споры и лились горячія рѣчи. Чаше другихъ, кажется, кромѣ меня, бывали въ эту пору у Плещеева—Мережковскій, Баранцевичъ, проф. Фаусекъ, тогда еще готовившійся къ каедрѣ, и пріятель маститаго хозяина,—тоже маститый поэтъ,—П. И. Вейнбергъ. Посѣщали Плещеева и артисты, и въ юной компаніи начинающихъ поэтовъ часто можно было встрѣтить Стрепетову, Пасхалову, Свободина и Давыдова. Хорошее это было время, время молодыхъ, горячихъ споровъ и надеждъ, имѣющихъ свойство окрылять только юность да хозяина, которому суждено было донести душевную молодость до гроба. Вотъ здѣсь-то въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ привелось мнѣ встрѣтиться и познакомиться съ А. П. Чеховымъ. Молодой и красивый, съ прекрасными, задумчивыми глазами, онъ на меня съ перваго же раза произвелъ неотразимое, чарующее впечатлѣніе. Онъ жилъ тогда въ Москвѣ и пріѣзжалъ не надолго въ Петербургъ по зимамъ, гдѣ на сценѣ шли его водевили, а въ «Новомъ Времени» печатались его рассказы. Это былъ періодъ его художественной дѣятельности, когда знакомое въ литературной средѣ имя Антоши Чехонте уступало уже въ широкой публикѣ первымъ лучамъ славы имени Антона Чехова: помню, изданные Суворинымъ «Хмурые люди» и «Пестрые рассказы» какъ разъ въ это время производили сенсацію. По обыкновенію мы и въ этотъ разъ засидѣлись до поздней ночи и говорили о литературѣ и общественной жизни. Чеховъ показался мнѣ мало разговорчивымъ, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Говорилъ онъ охотно, но больше отвѣчалъ, не произнося, такъ сказать, монологовъ. Въ его отвѣтахъ проскальзывала иногда иронія, къ которой я жадно прислушивался, и я подмѣтилъ при этомъ одну особенность, такъ хорошо памятную знавшимъ А. П. Чехова: передъ тѣмъ, какъ сказать что-нибудь значительно-остроумное—его глаза вспыхивали мгновенной веселостью, но только мгновенной.

Эта веселость потухала такъ же внезапно, какъ и появлялась, и острое замѣчаніе произносилось серьезнымъ тономъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствовавшимъ на слушателя. Вышли мы вмѣстѣ на улицу уже послѣ ужина. Надъ Петербургомъ стояла тихая и мягкая зимняя ночь. Намъ было по дорогѣ, и мы шли, продолжая разговоръ этого вечера на общественныя и литературныя темы. Чеховъ говорилъ о необходимости настроенія въ стихотвореніяхъ. Говорилъ онъ, волнуясь, и повторялъ, что желалъ бы быть понятенъ. Смыслъ его рѣчи былъ тотъ, что вся жизнь цѣликомъ можетъ давать содержаніе для художественной работы, которая характеризуется правдивостью настроенія изображаемаго.

— Я же ничего сегодня и не отрицалъ въ нашемъ литературномъ спорѣ, — сказалъ онъ и, остановившись, прибавилъ: — только не надо нарочно сочинять стихи про дурного городского! Больше ничего.

Мы пошли дальше вдоль тихой и пустынной улицы...

Черезъ нѣсколько дней встрѣтились мы на Николаевскомъ вокзалѣ какъ старые знакомые, совсѣмъ попріятельски. Съ Чеховымъ легко было и знакомиться и дружиться: до такой степени влекла къ нему его простота, искренность и впечатлѣніе (я не умѣю иначе выразиться) чего-то свѣтлаго, что охватывало его собесѣдника. Мы ѣхали вмѣстѣ въ Москву, весело разговаривая, выходили на станціяхъ, и шутя, пытались по внѣшнему виду опредѣлять общественное положеніе и характеръ пассажировъ. Дорогой Чеховъ уговаривалъ меня доѣхать съ нимъ въ далекое путешествіе. Онъ собирался тогда на Сахалинъ, и съ какимъ увлеченіемъ говорилъ онъ о возможности видѣть чужія, малознакомыя фантастическія страны — Индію, Японію. Вернуться предполагалъ онъ черезъ всю Сибирь, представлявшую по тогдашнему времени тоже невѣдомую землю. Особенно сильно интересовала его все-таки каторга.

— Ее надо видѣть, непременно видѣть, изучить самому. Въ ней, можетъ быть, одна изъ самыхъ ужас-

ныхъ нелѣпостей, до которыхъ могъ додуматься человекъ со своими условными понятіями о жизни и правдѣ,—говорилъ онъ.

И уже потомъ, много лѣтъ спустя, въ Мелиховѣ, интересуясь громкимъ и запутаннымъ уголовнымъ процессомъ Тальмы въ Пензѣ и спрашивая меня о вѣроятности преступленія обвиненнаго, Чеховъ говорилъ грустно:

— И вотъ сидитъ онъ теперь на Сахалинѣ—скучный и унылый, и у него вѣчная изжога отъ сырого и дурно пропеченнаго хлѣба,—кому это нужно!

Мнѣ было жаль и досадно до боли, что я не могъ согласиться на предложеніе Чехова. Обаятельная личность товарища по путешествію, возможность смѣны впечатлѣній и настроеній, широкая задача путешествія, которую ставилъ себѣ Чеховъ,—все звало меня съ нимъ... Но для меня начиналась въ это время пора земской дѣятельности и инья надежды и ожиданія призывали меня...

Разстались мы въ Москвѣ, гдѣ я пробылъ нѣсколько дней и познакомился съ милой и привѣтливой семьей Чехова. Мы вмѣстѣ посѣщали редакціи знакомыхъ журналовъ; при посредствѣ Чехова я приобрѣлъ нѣсколько новыхъ и милыхъ знакомствъ, чувствуя, какъ съ каждымъ днемъ его обаяніе, какъ человекъ, захватываетъ меня все больше и больше. Черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ въ глухую провинцію, унося въ душѣ искреннюю, дружескую привязанность къ одному изъ самыхъ милыхъ людей, которыхъ я когда либо встрѣчалъ, и находясь подъ впечатлѣніемъ его огромнаго таланта. И когда на другой день полупустой и холодный вагонъ громыхалъ по пустой и холодной степи, я ни о чемъ другомъ не могъ думать, какъ объ этомъ человекѣ.

Прошло много времени. Мы встрѣтились опять въ Москвѣ, уже послѣ путешествія Чехова на Сахалинъ. Мѣсяца два провели мы, постоянно встрѣчаясь. Мы вмѣстѣ бывали въ театрахъ и у многочисленныхъ

знакомыхъ, сошлись и подружились окончательно съ неизбѣжнымъ и традиціоннымъ брудершафтомъ. По-прежнему Чеховъ былъ молчаливымъ и необыкновенно скромнымъ человѣкомъ несмотря на свою извѣстность.

— Былъ со мной въ Петербургѣ смѣшной случай, — рассказывалъ онъ мнѣ. — Сказали мнѣ, что Полонскій очень хотѣлъ бы со мной познакомиться и повезли меня (кажется, Лейкинъ или Голике) на одинъ изъ его журфиксовъ. Ну, пріѣхали мы, знакомимся. При знакомствахъ всегда называютъ фамиліи такъ, что ничего не разберешь. Такъ и тутъ: послышалось не то Чижовъ, не то Чеховъ. Полонскій и остальные гости не обратили на меня никакого вниманія и просидѣлъ я молча цѣлый вечеръ въ уголкѣ, недоумѣвая, зачѣмъ я понадобился Полонскому, или зачѣмъ нужно было знакомымъ увѣрять меня, что я ему интересенъ. Наконецъ, стали прощаться. Полонскому стало неловко и захотѣлось сказать мнѣ что-нибудь любезное. «Вы, — говоритъ онъ мнѣ, — все-таки меня не забывайте, захаживайте когда-нибудь, вѣдь мы съ вами, кажется, и прежде встрѣчались, вѣдь ваша фамилія Чижиковъ?» — «Нѣтъ, Чеховъ», сказалъ я. — «Батюшки, что же вы намъ раньше-то этого не сказали!» закричалъ хозяинъ и даже руками всплеснулъ. «Очень смѣшное приключеніе вышло», добродушно и конфузливо закончилъ свой рассказъ Чеховъ.

И здѣсь, во время этой московской жизни для меня особенно выяснилась основная черта чеховскаго характера — искренность, буквально не выносившая лжи, заставлявшей страдать душу художника. Лжи мелочной, подчасъ комичной, разумѣется, было не мало въ обществѣ, особенно въ отношеніи Чехова, тогда уже на всю Россію славнаго писателя и моднаго человѣка въ Москвѣ. Какъ тонко онъ отмѣчалъ неискреннія заискиванія людей сравнительно беззаботныхъ по части литературы, и какъ грустно говорилъ: «Что ему Гекуба!» Но еще больше раздражала его ложь, касавшаяся вопросовъ и убѣжденій общественной жизни.

— Они напились, — говорилъ онъ мнѣ разъ про одну компанію, — цѣловались и пили за конституцію! Ну, ты подумай, зачѣмъ ему (онъ назвалъ фамилію) конституція, когда онъ можетъ строить свое благополучіе только въ условіяхъ политическаго рабства. Чего они лгутъ?

Кстати объ общественныхъ убѣжденіяхъ. Въ журнальныхъ статьяхъ не разъ упрекали Чехова въ индифферентизмъ. Послѣ народнической, иногда будировавшей литературы появленіе Чехова производило впечатлѣніе жреца искусства для искусства. Съ самаго начала въ этомъ было уже крупное недоразумѣніе: статьи проглядѣли въ разказахъ молодого писателя ту художественную правду всей русской дѣйствительности, а не отдѣльныхъ образовъ, которая съ такой силой появлялась въ первый разъ послѣ Гоголя. А такая правда для имѣющихъ очи, чтобы видѣть, стоила, разумѣется, больше поучающаго тона либеральной беллетристики. «Не надо сочинять нарочно стиховъ о плохомъ городомъ», говорилъ мнѣ когда-то Чеховъ, и теперь онъ повторялъ приблизительно то же самое о плохихъ беллетристическихъ вещахъ. Но зато какъ высоко ставилъ онъ покойнаго Гл. Ив. Успенскаго, котораго считалъ первокласснымъ художникомъ, какъ часто цитировалъ его. Впрочемъ, недоразумѣніе, о которомъ заговорилъ я, было временнымъ и какъ-то само собой разстаяло по отношенію автора «Мужиковъ» и «Въ оврагѣ»...

Писалъ и работалъ Чеховъ много. По этому поводу у него сложилось опредѣленное убѣжденіе, которое онъ мнѣ не разъ высказывалъ.

— Художникъ, — говорилъ онъ, — долженъ всегда работать, всегда обдумывать, потому что иначе онъ не можетъ жить. Куда же дѣнешься отъ мысли, отъ самого себя. Посмотри хоть на Некрасова: онъ написалъ огромную массу, если сосчитать позабытые теперь романы и журнальную работу, а у насъ еще упрекаютъ въ многописаніи.

Исходя изъ этого убѣжденія, Чеховъ нѣсколько разъ совѣтовалъ мнѣ, бросивъ общественную дѣятельность, отдаться исключительно литературной работѣ. Общественной дѣятельности въ земствѣ онъ очень сочувствовалъ, но считалъ ее мало возможной по «независящимъ обстоятельствамъ» и полагалъ, что для нея должны найтись люди, непричастные литературѣ. Дѣйствительно то было въ этой области мрачное и тяжелое время, при одной мысли о которомъ я теперь содрагаюсь. И какой грустной, но прелестной и вѣрной русской дѣятельности шуткой кажется одно мѣсто изъ письма Чехова ко мнѣ въ эту пору: «Vive monsieur le membre de l'hôtel de zemstvo! Vive la punition corporelle pour les moujiks! Служи безпорочно, помни присягу, не распускай мужика и, если нужно, то посѣки, всякаго нарушителя долга прощай какъ человѣкъ, но называй какъ дворянинъ». А при свиданіи Чеховъ говорилъ мнѣ:

— Все это хорошо, и дай тебѣ Богъ всякаго успѣха, но по настоящему нужны не школки съ полуголоднымъ учителемъ и не ашкетки, а народные университеты.

И когда я прочиталъ почти тѣ же слова, сказанныя отъ имени художника въ прелестномъ разсказѣ «Домикъ съ мезониномъ», я не удивился, а только обрадовался...

Въ слѣдующую зиму я опять часто видѣлся въ Москвѣ съ Чеховымъ. Его успѣхъ, какъ художника, все возрасталъ. Въ провинціи съ нетерпѣніемъ ждали каждой его новой повѣсти, каждой строчки.

Интересъ къ его вещамъ былъ настолько великъ, что разговоры о новой повѣсти Чехова буквально занимали всю Россію. И дѣйствительно, нельзя было читать безъ огромнаго подъема духа что-либо написанное имъ. Геніальный художникъ завоевалъ свою родину. Въ эту зиму Чеховъ часто бывалъ въ Москвѣ, а жилъ въ своемъ небольшомъ имѣніи Мелихово, Серпуховскаго уѣзда. Не помню теперь, въ эту ли именно

зиму, или въ другую Чеховъ въ Москвѣ приглашалъ меня ѣхать съ собой въ Петербургъ на первое представленіе «Чайки» въ Александринскомъ театрѣ. Какъ сейчасъ помню, что это представленіе было назначено на 17-ое октября, и Чеховъ говорилъ мнѣ:

— Поѣдемъ смотрѣть, какъ провалится моя пьеса, недаромъ ставится она въ день крушенія поѣзда.

Когда же я доказывалъ, что такая интересная и поэтическая вещь не должна провалиться, Чеховъ замѣтилъ:

— Напротивъ, должна, непременно должна! Дѣло въ томъ, что большинство актеровъ играетъ по шаблону. Одинъ будетъ стараться представлять писателя, значить, можетъ быть, и загримируется кѣмъ-нибудь изъ извѣстныхъ литераторовъ и будетъ его передразнивать. У нихъ если на сценѣ военный, то непременно поднимаетъ плечи и хлопаютъ каблуками, чего не дѣлаютъ въ жизни военные. Большой, вдохновенный талантъ — рѣдкость, а объ передачѣ настроенія моей пьесы не позаботятся.

Я не могъ поѣхать съ Чеховымъ. Пьеса провалилась на первомъ представленіи, принесла огромное и незаслуженное огорченіе автору. Мнѣ передавала потомъ сестра Чехова, Марія Павловна, что авторъ сбѣжалъ на другой день изъ Петербурга въ совершенномъ отчаяніи и проѣхалъ прямо въ Мелихово, не останавливаясь въ Москвѣ. Долгое время Чеховъ ничего не хотѣлъ слышать о постановкѣ пьесы на сценѣ, а друзья и знакомые старались даже не заговаривать съ нимъ о приключеніи съ «Чайкой», щадя его нервы.

Всѣ знакомые покойнаго Чехова навсегда, конечно, сохраняютъ воспоминанія о Мелиховѣ. Это былъ уютный уголокъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ съ небольшимъ помѣщичьимъ домомъ и маленькимъ садомъ. Хозяйствомъ въ имѣніи завѣдывала Марія Павловна. Тамъ встрѣчало посѣтителей радушіе Павла Егоровича и Евгеніи Яковлевны, родителей Чехова, предупреди-

тельная любезность Маріи Павловны и задушевная бесѣда самого хозяина. Чеховъ любилъ этотъ уголокъ средней Россіи, заботливо устраивалъ его обстановку, а это не легко было для него въ ту пору въ матеріальномъ отношеніи, и часто необходимый ремонтъ производился по частямъ въ ожиданіи гонорара за написанную повѣсть. А въ денежныхъ дѣлахъ Чеховъ былъ деликатенъ до щепетильности. Въ эту пору передавалъ онъ мнѣ, какъ одинъ издатель, буквально выпросившій его рассказъ и заранѣе его рекламировавшій, вручилъ ему, наконецъ, за него какую-то до смѣшного ничтожную плату, если не ошибаюсь—

26 р.

— Вѣдь не могу же я торговаться,—говорилъ Чеховъ.—Съ большой помпой, послѣ всякихъ похвалъ, съ нѣкоторой даже таинственностью вручили мнѣ грошъ. А мнѣ надо лечиться, нужны деньги на Мелихово, а я и говорить объ этомъ не могу.

Хорошо было въ Мелиховѣ, и у гостей дѣлалось на душѣ весело уже съ того момента, когда васъ на порогѣ встрѣчалъ лай двухъ таксъ, которыхъ звали: одну—«Бромъ Исаевичъ», а другую—«Хина Марковна»... Все было хорошо, умно и прекрасно въ жизни Чехова, кромѣ одного: художникъ былъ боленъ, боленъ чахоткой, и это было извѣстно и всѣмъ его знакомымъ, и ему самому. Это заставляло его лечиться, заботиться о гигиеническомъ образѣ жизни, отлучаться за границу, на югъ, а ему не хотѣлось думать о самомъ себѣ, возиться съ самимъ собой, его интересовала окружающая жизнь, а суть его собственной жизни составляло творчество, для котораго нужно было беречь здоровье... Случалось мнѣ посѣщать Мелихово и лѣтомъ, когда оно было еще лучше и еще уютнѣе, чѣмъ зимой. Маленькій, хорошо ухоженный садъ съ массой цвѣтовъ, небольшой рабочій домикъ, построенный въ саду, гдѣ подолгу разговаривалъ съ своими гостями и работалъ Чеховъ, разговоръ о томъ деревенскомъ хозяйствѣ, которымъ завѣдывала въ безко-

нечныхъ хлопотахъ Марія Павловна,—все это заста-
вляло гостя засиживаться лишній день въ Мелиховѣ
и уѣзжать неохотно. Приятно было бродить въ окрест-
ностяхъ усадьбы, разговаривая съ хозяиномъ, или си-
дѣть на берегу маленькаго пруда, про который Че-
ховъ говорилъ, что у него тамъ караси, но что онъ
намѣренъ дать имъ конституцію... Однажды, въ авгу-
стѣ или началѣ сентября Чеховъ сказалъ мнѣ, что я
пріѣхалъ какъ разъ во-время, чтобы присутствовать
при освященіи только что выстроенной школы, кото-
рой онъ былъ попечителемъ. Онъ познакомилъ меня
съ учительницей, молодой дѣвушкой, если не оши-
баюсь, кончившей курсъ въ Серпуховской гимназіи,
много шутилъ, называя меня чужимъ инспекторомъ
народныхъ училищъ и начальствомъ, и былъ необык-
новенно оживленъ и веселъ. Тутъ же обратилъ онъ
мое вниманіе на мѣстнаго крестьянина, послужившаго
прототипомъ для старосты въ «Мужикахъ» и указы-
валъ на своеобразную колоритность его рѣчи. Послѣ
мы разговорились о тяжеломъ положеніи народныхъ
учителей и учительницъ, и я увидѣлъ въ послѣдствіи
нѣкоторыя черты этого положенія въ художественной
правдѣ небольшого рассказа «На подводѣ»... Че-
ховъ вообще необыкновенно хорошо и мягко относился
къ окружающимъ его людямъ, а крестьянамъ Мели-
хова помогалъ, чѣмъ могъ и какъ могъ.

Очень грустилъ Чеховъ, что приходится расста-
ваться съ Москвою и средней Россіей, которую онъ
такъ любилъ, и перебираться по обыкновенію на зиму
въ Крымъ. «Ничего не подѣлаешь, ничего не подѣ-
лаешь», грустно повторялъ онъ и звалъ меня навѣ-
стить его этой зимой въ Крыму. Мнѣ, однако, не уда-
лось его видѣть этой зимой, а весной, когда онъ прі-
ѣхалъ въ Москву, онъ попалъ въ больницу съ обо-
стрившейся болѣзнью. Выписавшись оттуда, онъ из-
вѣстилъ меня въ нѣсколькихъ строкахъ, что здоровье
его совсѣмъ плохо и что онъ продаетъ свои сочине-
нія Марксу за 75 тысячъ, что это дѣло рѣшенное, и

ихъ уже окончательно устроилъ С. Разумѣется, эта продажа была не особенно выгодной для Чехова, но въ ту пору, при необходимости устроить себѣ удобный пріютъ въ Крыму, можетъ быть, неизбежной. Дача въ Крыму, въ Ауткѣ, около Ялты, была дѣйствительно построена превосходная. И самъ Чеховъ, и Марія Павловна заботливо внесли въ нее много изящества и уюта. Попрежнему тамъ воцарилось радушіе и ласка Чехова и его семейства. Только не было уже отца Антона Павловича: онъ скончался раньше и похороненъ въ Москвѣ. Но самъ Чеховъ не могъ помириться съ насильственной необходимостью жить вдали отъ Россіи. Привожу выдержку изъ письма Чехова въ то время, когда онъ устраивалъ свою дачу:

«Большое тебѣ спасибо, что вспомнилъ и прислалъ письмо... Я въ Ялтѣ, повидимому, поселюсь здѣсь и уже строю себѣ дачу для зимовокъ, и уже приглашаю къ себѣ пріятелей и друзей, и даю при этомъ клятву, что въ своей крымской дачѣ я не буду заниматься винодѣліемъ и поить своихъ друзей краснымъ мускатомъ... Зимой я буду жить въ Ялтѣ, лѣтомъ же, начиная съ апрѣля, въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ Мелиховѣ. Итакъ, пріѣзжай въ Мелихово, тамъ, обѣдая, я приглашу тебя въ Крымъ. Караси мои здравствуютъ и уже настолько созрѣли, что хочу дать имъ конституцію. Здоровье мое довольно сносно; все еще не женатъ и все еще не богатъ, хотя Марксъ и купилъ мои произведенія за 75 тысячъ. Возникаетъ вопросъ: гдѣ деньги? Ихъ не шлютъ мнѣ, и, повидимому, мой повѣренный С. пожертвовалъ ихъ на какое-нибудь доброе дѣло или, по совѣту Л. Н. Толстого, бросилъ ихъ въ печь... Не забывай, пиши, пожалуйста, пиши, помятуя, что живу я въ чужой сторонѣ не по своей волѣ и сильно нуждаюсь въ общеніи съ людьми, хотя бы письменномъ».

Въ другомъ письмѣ, присланномъ мнѣ уже тогда, когда Чеховъ окончательно устроился въ Ялтѣ, звучитъ такая же грусть по Россіи:

«Я все въ той же Ялтѣ. Пріятели сюда не ѣздятъ, снѣгу нѣтъ, саней нѣтъ, нѣтъ и жизни. Cogito, ergo sum и кромѣ этого cogito нѣтъ другихъ признаковъ жизни... Вообще напиши подробнѣе, дабы я имѣлъ основаніе считать тебя добрымъ человѣкомъ».

А когда я навѣстилъ Чехова въ Крыму, онъ говорилъ мнѣ:

— Тебѣ нравится моя дача и садикъ, вѣдь нравится? А между тѣмъ это моя тюрьма, самая обыкновенная тюрьма, вродѣ Петропавловской крѣпости. Разница только въ томъ, что Петропавловская крѣпость сырая, а эта сухая.

Чеховъ долго не могъ примириться съ жизнью «не по своей волѣ» на югѣ, но въ концѣ-концовъ полюбилъ свою дачу, о которой много заботился. Онъ цѣнилъ очевидно результаты своихъ трудовъ. И когда, незадолго передъ его кончиной, Марія Павловна призналась ему, что и она долго не могла примириться съ Ялтой и неизбѣжной потерей Мелихова, а теперь ей здѣсь все дорого, Чеховъ грустно замѣтилъ:

— Вотъ такъ не любя замужъ выходятъ. Сначала не нравится, а потомъ привыкаютъ!

И несмотря на болѣзнь, которая то усиливалась, то улучшалась настолько, что усыпляла опасенія окружающихъ,—Чеховъ работалъ, работалъ, работалъ... Поистинѣ это былъ огромный художникъ, смыслъ существованія котораго состоялъ въ творествѣ... Въ послѣдній разъ мы видѣлись въ Москвѣ, куда онъ всегда стремился при первой возможности, и здоровье его еще не говорило о такой близкой опасности...

Осенью прошлаго 1904 года я посѣтилъ Новодѣвичье кладбище. Былъ тихій и теплый солнечный день. У небольшого могильнаго холмика, подъ которымъ покоится прахъ Чехова, стояла толпа молодежи: студенты, курсистки. На холмикѣ лежали увядшіе цвѣты и вѣнки изъ живыхъ, тоже увядшихъ цвѣтовъ. Тутъ же лежалъ и совсѣмъ свѣжій, только что кѣмъ-то положенный букетикъ. Я зналъ, что не только

этотъ могильный холмикъ, отнынѣ дорогой для всей Россіи, остался отъ Чехова.

Остались сочиненія, которыя бесконечно долго будутъ давать наслажденіе людямъ; по этимъ сочиненіямъ будутъ изучать современную Чехову жизнь. Осталась и та слава, которая по смерти писателя дѣлается славой его родной стороны.

Чеховъ умеръ рано, въ самый разгаръ своего творчества и могъ бы написать еще много. Но и того, что онъ сдѣлалъ, слишкомъ достаточно, чтобы оправдать и исчерпать смыслъ жизни огромнаго художника. Все это я зналъ, и въ этихъ мысляхъ искалъ утѣшенія. Вѣрныя сами по себѣ, онѣ однако не могли принести утѣшеніе: передо мной вставалъ образъ умнаго, добраго, бесконечно правдиваго человѣка, осѣненный тѣмъ могучимъ и невѣдомымъ, что принято называть талантомъ. Было мучительно грустно и жаль, бесконечно жаль человѣка въ лучшемъ смыслѣ этого слова...

В. Ладыженскій.

Спальня А. П.